

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРИНЦА ИОГАННА МЕКЛЕНБУРГСКОГО

Маленький уютный городок Кляйнштадт, старинные здания, церкви, приветливые люди. Да, такой Германии я еще не видел, впрочем, я ее почти никакой не видел. Формально я здесь не в первый раз, но много ли увидишь из окон вагона и автомобиля? Было дело, когда-то я, Иван Никитин, будущий начальник отдела снабжения, гонял вместе с двумя друзьями автомобили из Германии, правда, недолго. Несколько раз съездили удачно, машины с каждым разом покупали все лучше, соответственно выгоднее продавали. Потом я заболел. Вообще-то я редко болею, так сказать, хронически здоровый человек, а тогда как-то простудился. В общем, поехали ребята без меня и не вернулись. Я потом звонил знакомым, у которых мы останавливались. Да, были. Да, машины взяли. Да, уехали. Нет, не знаем. Концов так и не нашли. Времена тогда такие были, позже их назвали «лихими девяностыми».

Заработанных денег как раз хватило на учебу — я, собственно, для того и взялся, чтобы поменять свое средне-техническое образование на высшее. Оно у нас, конечно, бесплатное, но, как говорится, ничто не стоит так дорого, как бесплатное. Потом работал, естественно не по специальности, такая вот у нас традиция в последнее время в стране. Впрочем, жаловаться грех — ребята вон вообще не вернулись. Ну да ладно.

В Германию меня позвала Алена... Алена и есть та самая причина, по которой я в свои тридцать с хвостиком до сих пор не женат. Мы с нею дальние родственники, наши родители когда-то попытались разобраться в хитросплетениях генеалогии и выяснили, что она мне четвероюродная тетя. Она была младше меня на пять лет, и в школе я просто опекал ее как младшую сестренку. Когда после окончания техникума уходил в армию, она была уже почти взрослой, по крайней мере ей именно так казалось, девушкой. А когда вернулся со службы и увидел ее, я понял, что пропал. Увы, мои чувства хоть и были замечены предметом моего обожания, но остались безответными. Мы учились в одном институте, правда, пока я заработал деньги на учебу, она была уже на третьем курсе, нередко тусовались вместе. Почему мы так и не сошлись? Сложный вопрос. Наверное, мы все-таки слишком разные. Она всегда была в центре

внимания, любила шумные развлечения, тусовки, клубы. Нередко напропалую влюблялась в очередного принца. Потом, разочаровавшись, бросала его и плакала. Иногда в подушку, иногда в жилетку. Что характерно, в мою. Я утешал ее, говорил, какая она умница и красавица, и выводил, как мог, из депрессии. Я клубы не то чтобы не люблю, но предпочитаю активный отдых. На те деньги, что стоит поход в хороший клуб, можно купить не один килограмм вырезки, замариновать его и устроить отличный отдых на природе. Накупаться в речке, натанцеваться не хуже, чем в любом другом месте. По банкам пострелять. Она оживала, расцветала, и все начиналась по новой. В перерывах между влюбленностями она пыталась устроить и мою личную жизнь, к сожалению, не тем способом, который устроил бы меня. Короче, Алена постоянно сводила меня со своими подругами. Я как-то подсчитал, что из всех девушек, с которыми у меня случались отношения в институте, с семьей меня познакомила она. Сколько их было всего? Джентльменам таких вопросов не задают. Семь и было, чего уж там.

На последнем курсе она выскочила замуж, и мы редко виделись. И вот несколько дней назад она меня нашла и предложила съездить в Германию. Не вдвоем, нет. Предполагалась достаточно немаленькая компания. Алена, ее муж Алексей, младшая сестра Алены Александра, она же Сашка, она же Шурка (та еще оторва!), подруга Алены Светлана (ну как же без этого) и ваш покорный слуга. Зачем она меня позвала, я так до конца и не выяснил. Вообще-то я в нашей тусовке всегда считался знатоком Германии и немецкого языка. Кто-то из акул пера назвал наше поколение «учившим немецкий язык по порнофильмам». Увы, в этой нелицеприятной характеристике много горькой правды. На фоне многих своих сверстников, знавших по-немецки только «das ist fantastisch», я действительно немного «шпрехал». И в «бундесе» действительно побывал. Кроме того, еще в институте, когда у Алены периодически возникали проблемы с чересчур наглыми ухажерами, я неоднократно выручал ее. Так что считался человеком априори надежным. Нет, не подумайте, я вовсе не боксер и не каратист, и не бывший спецназовец. Я служил на флоте, и ВУС* у меня — такелажник артиллерийских боеприпасов. При необходимости я, конечно, могу двинуть ближнего своего кулаком в рыло, что, принимая во внимание мой рост в сто восемьдесят пять сантиметров и вес под девяносто килограммов и давнее пристрастие к штанге, гилям и всяческим гантелям, может пагубно сказаться на здоровье пострадавшего. Но на практике «двинуть» так никому и не пришлось. Обычно, увидев подписку в моем лице, ухажеры теряли большую часть своей наглости, и конфликт решался миром. Поизмельчал, однако, народ.

* Военно-учетная специальность.

Я бы и не поехал, но сошлись несколько факторов. Наступило холодное время года, и наш кирпичный завод, на котором я и занимался снабжением, встал. Вообще-то это для кирпичных заводов норма. Разве что нормальное руководство зимнее время использует для планового ремонта. Увы, ни наш собственник, ни поставленное им руководство к таковым не относились. Персонал просто был распущен в неоплачиваемый отпуск до весны. В том, что запуск завода весной состоится, у меня были определенные сомнения, поскольку железо, в отличие от людей, издевательств не выдерживает и ломается. Но это так, к слову. Кроме того, еще летом я расстался с очередной своей пассией. В чем-то я ее понимаю: лето, солнце, жара и никакого моря. Что поделаешь, лето у кирпичников самое занятое время года, и вырваться нет никакой возможности. Да и живем не первый год, а в загс сожитель мало того что не зовет, а еще и вздыхает по лучшей подружке. Ну да, с Галиной нас тоже Алена познакомила. Судьба, блин, видно, такая. В общем, делать мне было сильно нечего, а тут возможность прокатиться за границу на халяву, да еще Алена рядом. Ну и вообще.

Отличие от прошлых своих поездок, добирались мы не поездом, а самолетом. Ну, как говорится, на дармовщинуку и уксус сладок, а тут далеко не уксус. Все мои расходы по нынешней поездке свелись к посещению дьюти-фри. Шурка, заметившая мой маневр, плотоядно ухмыльнулась. Виски она уважала, и мы с ней нередко дегустировали что-нибудь подобное. Вообще Шурка была девушкой достаточно интересной. Глядя на них с Аленой, было трудно заподозрить, что они сестры. Алена — очень изящная брюнетка с большими выразительными глазами на совершенно кукольном личике, всегда со вкусом одетая и накрашенная. Шурка — ее полная противоположность, русоволосая пацанка с короткой стрижкой, полным отсутствием макияжа и резкими порывистыми движениями. Назвать ее стиль одежды унисексом было вряд ли возможным — скорее уж просто мужским. При всем при этом у нее довольно приятное, пожалуй, даже красивое лицо, и если ее приодеть и намакияжить согласно половой принадлежности, получилась бы довольно привлекательная девица. Увы, последний раз я видел ее в платье еще в школе, до того как школьную форму отменили. Так что выглядела Сашка скорее как довольно смазливый паренек, и когда мы иной раз где-нибудь зависали, не знавшие нас люди косились. Ну, нетолерантный у нас народ к секс-меньшинствам. Я, впрочем, к этой братии тоже отношусь без особых симпатий, скорее наоборот.

Алексея, мужа Алены, я знал мало — на свадьбе виделись, пару раз пересекались на праздниках, пожалуй, и все. То есть ничего плохого про него сказать не могу, скорее много хорошего. Из мягко говоря небедной семьи, но не мажор. Парень умный, начитанный, где-то интеллигентный даже. Родительские деньги не прогуливает, а приумножает. Цену им

знает, но не жлоб, иначе зачем бы он на эту поездку тратился. В жене души не чаёт и во всем ей потакает. Похоже, единственный из всей родни, кто не догадывается, что я к его Алене неровно дышу. В общем, со всех сторон положительный человек, если забыть, что Алена за него вышла. Кроме того, он из той категории часто теперь встречающихся молодых людей, считающих, что во время Великой Отечественной войны наши предки совершенно напрасно так сильно сопротивлялись: «Пили бы теперь баварское». Ага. Когда я впервые услышал это, бить по жбану не стал, но общение сократил до минимума. Ну да, не люблю я таких. Я не великий патриот, но должно же быть хоть что-то святое.

Пятый член нашей импровизированной команды — Света, подруга Алены. Единственная, с кем я знаком не был. Довольно симпатичная шатенка лет двадцати семи, отличная спортивная фигура, одета со вкусом, но без вычурности, к которой иной раз склонна Алена. Блин, да что же я всех с ней-то сравниваю! Надо сказать, впечатления на Светлану я не произвел. Ну да, одеваюсь я не в крутых магазинах, а вовсе даже с рынка. Шевелюра, некогда густая и длинная, стремится к сокращению, посему стригусь коротко. Кожаная куртка и крепкие ботинки. Это еще что, видели бы вы мой спортивный костюм «адидас», в котором я когда-то машины гонял. В общем, на наших улицах люди моего типажа встречаются часто, и не со всеми хочется общаться. Единственное, что выбивается из образа, — это очки. Ну да, ношу, минус три. Как на флот с ними попал? Ну, так время-то какое было. Брали всех — хромых, косях, горбатых. Я на фоне многих еще и ценным кадром выглядел.

Ну и ладно, не больно-то хотелось, в смысле еще не вечер. Алена, кстати, часто мне указывала на недостатки моего гардероба. Дескать, по одежке встречают, и вообще... Но без особого успеха.

Самолет — это вам не поезд. Быстро, комфортно, запахи не докучают, попутчики не успевают напиться в хлам. Красота! Пока летели, Александра успела меня посвятить в неизвестные мне подробности. Оказывается, лететь должны были с Аленой, Алексеем и Сашкой родители последнего, точнее — наоборот. Предполагалось подписание каких-то важных документов и культурная программа. Однако отец Алексея, Михаил Иванович, заболел и поехать не смог, а мама Людмила Александровна, естественно, не могла его оставить одного. Таким образом, деловая часть поездки перешла от отца к сыну, а культурная программа оплачена — не пропадать же добру. Светлана, оказывается, помимо всего прочего, довольно большой менеджер в компании и привлечена в качестве эксперта, дабы любимое чадо чего по неопытности не напортачило. Ваш покорный слуга был в конце списка возможных кандидатов, но, во-первых, все были заняты, а во-вторых, всплыло мое гипотетическое владение языком Шиллера и Гёте. Увы, остальные члены команды из иностранных языков знакомы были только с тем, на ко-

тором изъяснялись и творили Марк Твен и Чейз, то есть американским вариантом английского. Кроме того, Михаил Иванович однажды имел возможность вкушать шашлыка в моем исполнении и понаблюдать за стрельбой по пивным банкам. Очевидно, благодаря увиденному (и съеденному) проникся и полагал меня человеком бывалым и надежным. Я, естественно, разубеждать никого не стал.

На немецкой земле нас встречали ну не с помпой, но как довольно важных персон. Респектабельный господин, назвавшийся герром Клаусом. Комфортабельный минивэн, доставивший нашу гоп-компанию к снятому загородному дому. Да-да, никаких гостиниц! Единственное происшествие, омрачившее наше триумфальное прибытие, приключилось, когда мы, свернув с автобана, двигались по направлению к снятому нам дому по местному проселку. Ах, видели бы вы тот проселок! Хотел бы я, чтобы некоторые наши федеральные трассы хоть чуть-чуть походили на эту проселочную дорогу! Тьфу, фашисты! Так вот, когда мы уже почти приехали, а герр Клаус рассказывал о местных достопримечательностях (за дорогой бы следил, олух), причем ваш покорный слуга хоть и не без труда, но довольно сносно переводил, на дорогу выскочил заяц. Заметивший его в самый последний момент Клаус попытался отвернуть и затормозить, причем одновременно. Кто ж его так водить учил! Никакая АБС с таким издевательством не справится, и нас совершенно естественно занесло. Глухой звук из-под днища автомобиля явственно свидетельствовал, что заяц повстречался с некой выступающей деталью. Присутствующие дамы разразились громким визгом, разве только Шурка произнесла нечто определенно нецензурное.

— Тихо! — подал я команду и покинул транспортное средство.

Ну, в принципе, ничего непоправимого не случилось. Минивэн съехал на обочину (мягко говоря), но должен выехать самостоятельно. Заяц, несомненно, покинул земную юдоль, ну да и царствие ему небесное. Про местные законы о защите животных я в курсе, но нас никто не видел и косой разрушитель ПДД отправляется в пакет и в машину. Откуда пакет? Ну, так лежит у меня обычно в кармане на всякий случай. Вот как раз на такой.

Герр Клаус явно в прострации от содеянного по неосторожности. Поэтому я мягко оттеснял его от руля, усаживаюсь сам и, потихонечку-полегонечку газуя, выезжаю на асфальт. Ну что, показывайте дорогу? И заодно расскажите, «майн герр», чем вас так взволновал данный ушастый представитель фауны, которого вы (да, именно вы) так ловко лишили жизни. А то вот дедушка мой рассказывал, что немцы — люди совершенно невозмутимые. Где он видел немцев? Под Сталинградом встречались. герр Клаус вздрогнул и поведал совершенно фантастическую историю. Оказывается, оный заяц — местная достопримечательность. Его так и называют «w tender Hase» — «бешеный заяц». Знаменит

он тем, что совершенно безбоязненно скачет по дорогам, прыгает на прохожих и проезжающих и вообще всячески их третирует. Причем нанести ему какой-либо вред считается плохим предзнаменованием, и местные всячески избегают причинять ему неудобства. Впрочем, заяц довольно хитер и ловок, так что нанести ему вред не так-то просто. И герр Клаус — первый, кому это удалось. Я как мог попытался успокоить немца и пообещал предать его (косога) земле со всеми полагающимися почестями, заодно внедрил в его голову мысль о том, что явка с повинной в полицию — не самая лучшая идея.

Загородный дом, в котором нас разместили, был выше всяких похвал. Достаточно старинный, он, тем не менее, обладал всеми возможными благами цивилизации в виде трех ваннных комнат и стольких же уборных. Довольно помпезных, на мой плебейский вкус, спален было тоже три. Еще куча всяких комнат неясного назначения и совершенно очаровательная гостиная с камином и звериными мордами на стенах. Лепота-то какая, красота! Прислуга имелась приходящая, в данный момент отсутствовавшая, кухня полный отпад и просто гигантский холодильник, набитый всяческими продуктами. Пока гламурная часть нашего общества отправилась отмокать в ванны, мы с Шуркой оккупировали кухню. Ушастый нарушитель ПДД, довольно жирный, несмотря на позднюю осень (или раннюю зиму), был жестоко ободран, выпотрошен, порублен на части и совершенно цинично положен в кастрюлю и залит пивом из холодильника. Кастрюля, в свою очередь, водружена на плиту, плита подожжена. Шулюм обещал быть совершенно великолепным. Конечно, одного зайца на пять рыл совсем недостаточно, поэтому на прочих конфорках также что-нибудь жарилось, варилось и умопомрачительно пахло. Алексей первым закончил водные процедуры, и в ванную отправилась Шурка. Ее банный квест также долго не продлился, и поскольку процесс готовки подходил к концу, я, передав ей бразды правления, отправился принять душ.

Когда дамы наконец почтили нас своим присутствием, ужин был готов. Алена с Алексеем, не говоря об Александре, были знакомы с моими кулинарными талантами, а вот Светлану я определенно удивил. Ну что же, удивить — в нашем деле это первый шаг к тому, чтобы победить, в смысле уложить. Ну, вы поняли. Обычно я человек немногословный, исключений бывает два. Первый — это когда мне надо получить с поставщиков максимальную скидку, второй — когда выпью в хорошей компании. Поскольку пивом мы с Сашкой заливали не только зайца, язык у меня развязался. Я травил байки о службе во флоте, безбожно, естественно, привирая при этом, рассказывал анекдоты, смешные случаи из жизни. Слушатели, также отдавшие должное пивоваренной продукции фатерлянда, дружно смеялись. Потом была музыка, немного танцев. Наконец Алексей и Алена объявили, что идут спать. Между нами, вете-

ранами флота, говоря, давно пора. Света раскраснелась, раскрепостилась и ничуть не напоминала ту немного высокомерную девушку из высшего общества, что садилась в самолет. Была, правда, одна проблема, а именно — Шурка. Пивом ее не проймешь, и выражение лица выразительно намекает, что пора повисить градус. Я в принципе не против, Светлана, как оказалось, тоже.

В гостиной полумрак, в камине потрескивают, догорая, дрова. Мы сидим перед камином на полу, обложившись диванными подушками. Отблески медленно затухающего огня на наших лицах придают им совершенно фантастические выражения. Разговоры становятся все откровеннее, а шутки раскованнее. Глаза поблескивают все ярче. Девушки явно затеяли какую-то игру, но я слишком много выпил, чтобы остановиться. Заводила, очевидно, Света, Шурка никогда себя так не вела. С ней хорошо выпить, поговорить о жизни, пострелять наконец. К женскому мозгокрутству она совершенно не склонна, а вот поди ж ты. Ну, девчонки, не я эту игру начал. Вокруг почти темнота, когда губы находят друг друга, руки касаются бархатной поверхности тела. Поцелуи становятся все жарче, руки проникают все глубже, одежды остается все меньше. Какое-то наваждение, морок накатывает на нас, и три тела сплетаются в какой-то совершенно немислимый клубок страсти.

Когда-то давно служба на флоте нанесла моей психике совершенно невосполнимый урон. Сколько бы я ни выпил, как бы поздно ни лег, что бы ни случилось, я просыпаюсь в шесть утра. Так произошло и на этот раз. Открываю глаза и оглядываю окружающее пространство. Ну что же... не приснилось! Приподняв одеяло, убеждаюсь, что лежу в чем мать родила меж двух девиц, столь же тепло одетых. Положительный момент только один (если не считать приобретенного опыта): мы все-таки перебазировались в спальню. На громадной кровати вполне можно было разместить еще столько же... хм... а ни фига себе у вас фантазии, молодой человек! Хватит с вас и этого свального греха. Осторожно выбираюсь из постели и отправляюсь разыскивать одежду. Одежда, причем не только своя, благополучно найдена и отправлена по назначению. То есть моя надета, а девичья разложена на стульях в спальне. Исполнив долг честного человека (самому смешно) и уничтожив наиболее бросающиеся в глаза следы «преступления», я отправляюсь дальше. В холодильнике, точно помню, была минералка — так, уже легче. Уборная, умывание. Приятно чувствовать себя человеком.

Начинаю готовить завтрак: блюд будет три. Первое, мое коронное после мяса — «омлет с тем, что найду в холодильнике». Второе — крепко заваренный чай. Третье — для тех, кто не любит второго. То есть кофе. Сам я без чая не могу. Кофе пью только в самых крайних случаях. О том, что немцы, напротив, предпочитают кофе, я наслышан (плавали, знаем), так что пачка чая у меня есть с собой. За всеми этими движе-

ниями дело идет к семи, по дому распространяются соблазнительные запахи. Сначала появляется Алексей — от омета он отказывается, а вот кофе пьет с удовольствием. Ну, как говорится, хозяин — барин, нам больше достанется. Алена, я знаю, сова, ее если не разбудить, она до обеда может проваляться. Так что следующими гостями будут Света или Саша. Сам с собой поспорил, что первой встанет Шурка, и проспори-рил. Пришли обе. Молчат, друг на друга и на меня стараются не смотреть. И как это у них получается? Надо как-то разрядить обстановку. И Остапа понесло. Придав лицу возможно более скорбное выражение, вопрошаю:

— Ну что, довольны? Я себя для невесты берег, а вы... воспользовались моей неопытностью...

Шурка, знакомая с моим специфическим чувством юмора, начинает первой ржать, как необъезженная кобылица. Через секунду к ней присоединяется Света. Фух, пронесло.

— Нет, вы на них посмотрите! Они еще и смеются! — восклицаю я голосом «теги Сони». — Ладно, садитесь есть!

Завтрак проходит в теплой, дружественной — ну почти — обстановке. В смысле никакого конфликта не произошло. Вскорости приехал герр Клаус, и мы отправились отбывать первую часть нашего вояжа. То есть Алексей и Светлана должны были заняться делами. Поскольку принимающая сторона английским владела, в моих скромных услугах не было нужды. Так что я в компании Алены и Александры занимался осмотром достопримечательностей, в данном случае — офиса. Надо сказать, офис того стоил. Очевидно, в прошлой жизни это здание было замком или чем-то в этом роде. Несомненно, несколько раз перестроенное, оно, тем не менее, сохранило своеобразный дух древних времен. Стены, задрапированные гобеленами, были увешаны старинным оружием, и что-то мне подсказывало, что это не новоделы. Роль гида играл герр Клаус, он довольно интересно рассказывал об истории городка, куда занесла нас судьба. Оказывается, в старые времена жизнь тут просто кипела. И как раз сегодня очередная годовщина одного знаменательного события. Именно в этот день почти четверста лет назад, а именно 14 декабря 1610 года, в нем сожгли последнего еретика.

— И кто же был этот несчастный? — поинтересовались мы. Ответ, надо сказать, меня удивил: «Иоганн Альбрехт фон Стрелиц принц Мекленбургский».

— А что, принцев тоже сжигали?

— В этом случае, несомненно, случилось именно так. Дело в том, что принц был изрядным повесой. Сначала он соблазнил дочерей местного бургомистра. А когда скандал стал достоянием общественности, ничтоже сумняшеся заявил, что не может жениться на девицах столь низкого происхождения. Тем более на обеих сразу. Впрочем, когда сын

бургомистра потребовал удовлетворения, низкое происхождение не помешало принцу проткнуть его шпагой.

— Вы сказали — дочерей? — переспросил я.

— Именно так, двух одновременно! — подтвердил Клаус.

Я по инерции перевел эту фразу и опомнился только от хмыканья Шурки.

— И откуда только такие подонки берутся? — саркастически воскликнула она.

— Сам в шоке, — только и смог я ответить.

Тем временем мы прошли в очередной зал, главным украшением которого была огромная, почти во всю стену картина. Новая картина, как выяснилось, была посвящена суду над несчастным любвеобильным принцем. Принц, молодой, гордый и красивый, был в центре композиции, вокруг — стража и обвиняющий его бургомистр. На заднем плане — инквизиторы. Короче, картина внушала!

— А ведь принц на тебя похож! — воскликнула Алена.

— Да ну на фиг, — немедленно отреагировала Шурка. Действительно, стоящего в центре композиции сублильного молодого человека нельзя было перепутать со мной даже с великого перепоя.

— Да серьезно! Ты вспомни, каким мы его в армию провожали.

— Ну, не знаю, — протянула Александра, — вообще что-то есть.

Я обрадовался, что разговор пошел в другом русле, спросил Клауса:

— Послушайте, Мекленбурги — весьма знатный и могущественный род, кстати, славянского происхождения. Почему они не заступились за своего родственника?

— О, натюрлих! — согласился наш гид и поведал совершенно душещипательную историю.

Папаша несчастного принца Сигизмунд Август Мекленбургский был младшим сыном герцога Иоганна Альбрехта I и с детства отличался крайне дурным нравом. Когда поведение молодого человека стало совершенно невыносимым, папаша лишил его наследства, однако назначил нехилую пенсию и пожаловал три города. Право на титул он, впрочем, сохранил. В 1593 году он женился на дочери имперского князя Богуслава Померанского, которая вскоре родила будущую жертву инквизиции и собственного распутства. В 1600 году Сигизмунд Август умер, оставив юного Иоганна Альбрехта сиротой. Мамаша после довольно долгого траура вновь вышла замуж. И как-то само собой получилось, что малолетний принц был предоставлен сам себе. Достойное образование ему дать позаботились, а вот про воспитание забыли, и молодой человек пустился во все тяжкие. К тому времени, когда он вляпался в историю с дочками бургомистра, поведение принца настолько достало венценосную родню, что они палец о палец не ударили, чтобы помочь беспутному родственнику, а ведь ему было всего шестнадцать!